

УДК 37.034

10.17213/2075-2067-2020-2-108-113

ДВЕ СТРАТЕГИИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

© 2020 г. Т. П. Матяш, Д. В. Матяш

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Актуальность исследования обусловлена тем, что возникший в современном гиперинформационном обществе «цифровой аутизм» требует осмысления возможности нравственного воспитания, базирующегося на основе существующих теорий нравственности. Цель статьи заключается в том, чтобы провести сравнительный анализ либерально-гуманистической и христианско-православной теорий нравственности, представленных в трудах И. Канта и В.И. Несмелова, и рассмотреть соразмерность соответствующих этим учениям стратегий воспитания тенденциям цифровизации общества.

Ключевые слова: гиперинформационная цивилизация; цифровой аутизм; образование; воспитание; золотое правило нравственности.

TWO STRATEGIES OF MORAL EDUCATION OF A PERSON

© 2020 T. P. Matyash, D. V. Matyash

Don State technical University, Rostov-on-Don, Russia

The relevance of the study is due to the fact that the «digital autism» that arose in the modern hyper-information society requires an understanding of the possibility of moral education, based on existing theories of morality. The purpose of the article is the comparative analysis of the liberal-humanistic and Christian-Orthodox theories of morality presented in the works of I. Kant and V. Nesmelov and consider the proportionality of educational strategies appropriate to these teachings the trend of digitalization of society.

Key words: informational civilization; digital autism; education; upbringing; the golden rule of morality.

В современной информационной цивилизации смысл образования, закодированного в значении самого слова «образование» (восприятие человеком образа Божия), кардинально изменился, потеряв свой сакральный смысл. Сейчас оно толкуется только как получение квалифицированных знаний и навыков, которые становятся товаром, предназначенным для выгодной продажи. Неслучайно такое невнимание и пренебрежение к преподаванию гуманитарных наук, это лишает образование фундамен-

тальности. В итоге невостребованной оказалась другая составляющая образовательного процесса — воспитание — в силу его прагматической бесполезности. Столкнувшись с феноменом «цифрового аутизма» (формируемого, кстати, и дистанционным, компьютерным обучением), когда люди, особенно молодежь, теряют способность к живому общению, многие педагоги, ученые и политики стали осознавать необходимость вернуть воспитательный процесс в систему образования.

Но что такое воспитание? Реальный его смысл закодирован в самом значении слова «воспитание», указующего, что в процессе воспитания должно присутствовать некое «питание». В православной традиции оно толкуется как вскармливание человека духовной пищей, освобождающей от власти греха и помогающей стать на путь обретения образа Божия [4]. Приставка «вос-» придает слову «воспитание» некое мистическое значение, так как имеет особые прототипические значения, такие как подъем вверх, стремление ввысь [3, 9]. Слово «воспитание» имеет, таким образом, значение возвышения, воспарения человеческой души над утилитарно-прагматическими, сиюминутными жизненными целями и смыслами. Пути такого возвышения/воспарения формируются на основе нравственных учений, которые всегда коррелируются с религиозными нравственными заповедями и принципами. На неизбежность такой корреляции указывает тот факт, что во всех мировых религиях присутствует один из главнейших нравственных ориентиров, а именно «золотое правило нравственности». О нем говорится в Евангелии, изречениях Мухаммеда, Конфуция, Будды. Языческие античные философы также были хорошо осведомлены об этом нравственном правиле [13].

В истории философии зафиксировано две точки зрения относительно этой корреляции: религия является основополагающим базисом человеческой морали, человеческая мораль формируется вне и независимо от религии.

В эпоху секуляризации вторая точка зрения стала доминирующей, а потому неслучайно в европейской философии «золотое правило нравственности» обычно связывают с именем И. Канта, который действительно сформулировал нравственный категорический (повелевающий) императив, предписывающий поступки, имеющие только нравственные цели: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»; «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не от-

носился бы к нему только как к средству» [6]. На нравственном учении И. Канта, согласно которому человек, будучи свободным существом, сам себе предписывает правила нравственности [7], и строилась вся современная светская этика. Свобода человека для Канта, как писал И. Берлин, — это «повиновение закону, который мы себе предписали» сами [14] с помощью практического разума. Так как человек создает нравственные суждения с помощью собственного разума, то тем самым только он сам может формировать себя как моральное существо¹, поэтому Кант и утверждал, что «нет морального закона вне меня», и тот факт, что «моральный закон во мне», вызывал у него удивление и благоговение, как и лицемерие сотворенного Богом звёздного неба над головой [6]. Признавая созданные человеком нравственные законы не партикулярными, а безусловными, Кант открывал перед человеком возможность воспринимать себя как высшее существо, которому в процессе производства нравственных законов не нужны никакие пособия, даже Бог и религия. «Человек, — писал Кант, — не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить... Следовательно, для себя самой мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [5]. Религия, как считал Кант, не создает нравственных законов и установок, она занимает совокупность нравственных норм и правил из предписаний чистого практического разума, выполняя функцию их временной оболочки, поэтому в кантовском понимании религия перестала быть основой духовной жизни. Но, признав приоритет морали над религией², объявив нравственную деятельность свободной от авторитета религии и Церкви, Кант на самом деле взял из богословия нравственные понятия, такие как нравственный закон, долг, обязанность, и наделил их философским смыслом [8]. Считая формирование нравственности и её совершенствование делом практического разума людей, Кант был

¹ Эта ситуация представлена в Библии: «И не послушался народ Мой гласа Моего, и Израиль не внял Мне, и предоставил Я их замыслам сердец их, — будут ходить по замыслам своим» (Пс. 80: 12, 13).

² И. Кант базировался на восходящей к протестантизму М. Лютера идее приоритета морали над религией. Гегель писал в этой связи: «То, что в мире должно быть святостью, вытесняется нравственностью» [2, с. 376].

уверен, что, опираясь на мощь своего разума, человечество сможет без помощи религии решить все нравственные проблемы личности и общества. Правда, если верить И. Берлину, Кант не был лишен сомнения в отношении своей уверенности в безусловной силе человеческого разума и однажды сказал: «Из столь кривой теснины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого» [1].

Кантовское учение о нравственности с точки зрения гуманистического либерального мировоззрения является единственно адекватным, так как позволяет человеку воспринимать себя самодостаточным автором и актером своей нравственной жизни. Но в кантовской либерально-гуманистически ориентированной нравственной парадигме осталось несколько нерешенных вопросов. Во-первых, не объяснено, как и почему практический разум может стать источником нормативно-нравственных ориентиров, создавать всеобщие, необходимые принципы нравственности? И можно ли вообще доверять разуму, который, формируя правила нравственности, сам демонстрировал в истории рода человеческого крайнюю безнравственность, как это было, например, в эпоху войн, особенно Второй мировой? Во-вторых, как обосновать безусловность нравственных принципов, созданных практическим разумом? Ведь еще Конфуций сомневался в безусловности золотого правила морали «чего себе не пожелать, того не делать и другому», считая, что созданное человеческим разумом не является безусловно должным [10]. По сути Конфуций понимал, что безусловность — это проблема трансцендентная. В-третьих, Кантовское золотое правило нравственности «работает» при условии, что применяющий его человек уже нравственен. Действительно, если должно поступать с другими так, как я хочу, чтобы поступали со мной, то априори предполагается, что речь идет о заведомо нравственных устремлениях человека. Ну, а как быть, если я, например, хочу, чтобы ко мне, имеющему мужской пол, относились как к женщине, или потворствовали моему пристрастию к алкоголю и наркотикам, или хочу, чтобы со мной поступали по справедливости, хотя сам я не справедлив? Поэтому неслучайно А. Шопенгауэр и В. Несмелов считали введенное И. Кантом понятие нравственного

закона бессодержательным, а его моральное учение — необоснованным. Этой точки зрения придерживался и Вл. Соловьев, согласно которому, кантовское понятие «самозаконности» нравственной деятельности отражает чисто формально сущность нравственности. Кант, как писал он, «дал безукоризненные и окончательные формулы нравственного принципа, создал чистую или формальную этику, как науку столь же достоверную, как чистая математика» [11].

Этику Канта многие считают христианской, так как философ не отрицал Христа. Но, если учесть, что никакого пути к нравственному совершенству человека, кроме внутреннего разумного принуждения без любви к Богу и человеку, он не видел, то вопрос о христианстве Канта становится проблематичным. Суть ответа на этот вопрос проясняется, если обратиться к поучению св. Феофана Затворника: «Кто увлекается сам и увлекает других неукротимым своеволием в образе мыслей и правилах жизни, — тот не наш», то есть не христианин [12]. Общеизвестно, что никто из апостолов и отцов Церкви не увлекался сам и не увлекал других неукротимым своеволием в образе мыслей и поступков, особенно нравственных.

Канту оппонировал В.И. Несмелов, утверждавший, что человеку внутренне присущ не нравственный закон, как считал Кант, а нравственное сознание. Нравственный закон направлен на урегулирование горизонтальных отношений между людьми, тогда как нравственное сознание направляет движимые любовью к Богу внимание и усилия человека ввысь, формируя некий вертикальный путь, ведущий к установлению связи человека с Богом. Движение по этому пути не предполагает никаких формальных указаний и правил, кроме указания цели, состоящей в самоопределении себя как реального образа Верховной Личности. Поэтому, как считал В.И. Несмелов, нравственное сознание не может явить себя в форме кантовского категорического императива, то есть в форме строго формализованных нравственных правил. В нравственном сознании человек «непосредственно познает себя в качестве реального образа Бога, а это познание... и дает ему прямое указание той жизни, которая была бы истинной жизнью человеческой личности».

Идея богоподобия является «единственным основоположением естественной морали, и единственным критерием всех действий человека в моральном отношении, и, наконец, единственным основанием для нравственного развития человека» [8], его отношений с другими людьми. Другими словами, нравственное содержание жизни определяет религия, а не своеволие практического разума человека, как считал Кант, потому истинный процесс воспитания есть непрестанный труд достижения подобия образу Божию.

Христианская этика базируется на принципе, согласно которому нравственность — это духовное перерождение человека на пути осуществления своего подобия Богу. Никаких формальных правил движения по этому пути быть не может, так как человек в своем нравственном совершенствовании свободно, в меру своей любви к Богу, «сотрудничает» с Ним. Человеку точно известна безусловная цель своего нравственного развития — стать подобным Богу, а потому цель нравственного воспитания — сформировать не столько отношение человека к человеку, как у Канта, сколько отношение человека к Богу. И здесь важен не только разум, но и сердце. Так как в христианстве нравственное воспитание — это «питание» сердца, то потому категорический императив христианской нравственности (если можно так сказать) не может быть формальным. Особенность христианского нравственного императива и базирующегося на нем воспитания представлены в стихотворном гимне Симеона Нового Богослова «Путь к созерцанию Божественного света»: «Кто хочет увидеть сей свет невечерний, / Тот должен всегда соблюдать свое сердце / От страстных движений, от помыслов скверных, / От гнева, смущения, клятв лицемерных. / Внимать себе должен и злобы не помнить, / Людей не судить даже в помыслах сердца, / Быть внутренне чистым, в словах откровенным, / Быть искренним, кротким, спокойным, смиренным. / Трапеза его пусть не будет богатой, / Молитву и пост да хранит неослабно. / И весь его подвиг, и дело любое, / И всякое слово — да будет с любовью» [15].

Можно ли в основу воспитания положить «советы» Симеона Нового Богослова? Бесспорно. Но следование им потребует усилий, прежде всего, от самого воспитуемого, нрав-

ственное состояние которого будет формироваться в процессе трудной духовной работы перерождения себя, избавления себя от греховных пороков. Такого рода духовная работа может быть успешной только в том случае, если человек будет уповать не на свою самодостаточность, как того хотел Кант, а на помощь Божию, который есть Любовь.

И теперь главный вопрос: какая модель нравственного воспитания, условно говоря, кантовская или несмеловская, дееспособна в условиях современной гиперинформационной среды? Из кантовского учения о нравственности следовало, что целью воспитания является формирование человека ответственного, умеющего мыслить самостоятельно, отвергающего всякий авторитет и прежде всего авторитет религии. Общеизвестен девиз Канта: «Имей мужество пользоваться своим умом». Но в условиях цифровизации иметь свой ум очень трудно, так как, во-первых, в современной гиперинформационной среде формирование зрительных образов преобладает над формированием системного мышления, а во-вторых, способность мыслить самостоятельно и ответственно становится практически избыточной, так как всегда можно быстро найти в интернете ответы на любые свои вопросы. «Цифровой аутизм», присущий тем, кто 60–70% суточного времени проводит в режиме онлайн, характеризуется потерей навыков общения «лицом к лицу», снижением уровня озабоченности по поводу внутренних переживаний другого (подробно эти вопросы рассмотрел Андрей Курпатов, президент Высшей школы методологии, основатель интеллектуального кластера «Игры разума», выступая в Давосе на бизнес-завтраке Сбербанка). Эти изменения в менталитете снижают значимость золотого правила нравственности.

Проблематизируется и воспитание, базирующееся на христианском учении о нравственности, предполагающем устремленность человека к формированию в себе образа Божия, то есть устремленность ввысь. Информационное пространство, являясь сетевым, формирует в человеке способность включаться только в горизонтальные связи, для которых характерен, как правило, не интеллектуальный, умный, а примитивный контент. В этой ситуации разговоры о «высокой духовности», как правило, не воспринимаются,

особенно молодежью. И все же воспитание на основе христианского учения о нравственности имеет ресурс для преодоления цифрового аутизма, и этот ресурс — приобщение к религиозному опыту.

Литература

1. Берлин И. Подлинная цель познания. — М.: Канон +, 2002. — 800 с.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. — Т. 3. — М.: Мысль, 1977. — 471 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. В 2 т. — М.: Русский язык, 2000. — Т. 2. — 468 с.
4. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. — 245 с.
5. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты. — М.: Наука, 1996. — 344 с.
6. Кант И. Сочинения в 6-ти тт. — Т. 4. — Ч. I. — М.: Мысль, 1965. — 544 с.
7. Матяш Т. П. Моральная философия И. Канта и христианство // Гуманитарий Юга России. — 2015. — №1. — С. 86–96.
8. Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1. Опыт психологической истории и критики

основных вопросов жизни. — СПб: Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. — 394 с.

9. Русская грамматика. В двух томах (под ред. Н. Ю. Шведовой). — Т. 1. — М.: Наука, 1980. — 448 с.

10. Семенов И. И. Афоризмы Конфуция. — М.: Издательство Московского университета, 1987. — 306 с.

11. Соловьев В. С. Соч. в двух томах. — Т. 2. — М.: Мысль, 1988. — 823 с.

12. Феофан Затворник, святитель. Православие и наука. Руководственная книга изречений и поучений. — М.: Даниловский благовестник, 2005. — 675 с.

13. Фрагменты ранних греческих философов. — Ч. I. — М., Наука, 1989. — 576 с.

14. Хестанов Р. З. Утопическое экспериментирование Ричарда Рорти // Ричард Рорти. Случайность, ирония и солидарность. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996. — 279 с.

15. Чельшиев П. В. Преподобный Симеон Новый Богослов о духовном преображении человека. Акафист. — М.: Храм св. вмч. Димитрия Солунского, 2004. — 256 с.

Поступила в редакцию

30 марта 2020 г.

Матяш Тамара Петровна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных компетенций Донского государственного технического университета. Ведущий специалист в области социальной философии, философии культуры, религиозной философии.

Matyash Tamara Petrovna — doctor of philosophy, Professor, chief researcher of the Center for scientific competence of the Don State technical University. Leading specialist in social philosophy, cultural philosophy and religious philosophy.

346000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarina sq., 346000, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Матяш Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета. Специалист в области социальной философии и философской антропологии.

Matyash Dmitry Vladimirovich — doctor of philosophy, associate Professor, Professor of the Department of philosophy and world religions of the Don State technical University. A specialist in the field of social philosophy and philosophical anthropology.

346000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarina sq., 346000, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: matyashdv@mail.ru